18+

ВЛАДИМИР КОШКИН

СОБАКА ДЛЯ АНЕЧКИ

СБОРНИК РАССКАЗОВ



Владимир Кошкин

Собака для Анечки. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40149288
ISBN 9785449606556

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Я тоже умирал в 16 лет. Знакомо? В этом сборнике лишь боль и обида на весь белый мир брошенного и никому не нужного подростка. Первая любовь? Нет! Проблемы отцов и детей? Опять мимо! Самоуничтожение, поиск себя как личности, ненависть к окружающим и т. п. Это не рассказы о периоде взросления, это рассказы, написанные в это тревожное время. Попытка убежать от реальности в мир, где тебе всё принадлежит, мир, где только ты знаешь, чем всё закончится, мир без Хэппи Энда.Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Головоломка	5
Сказка об отражающем и мертвом	22
Она	25
Отражение	33
Мир чудных сновидений	40
То, чего уже никогда не будет	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Собака для Анечки
Сборник рассказов

Владимир Кошкин

© Владимир Кошкин, 2019

ISBN 978-5-4496-0655-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Головоломка

Существуя в двух мирах одновременно, начинаешь воспринимать все как-то иначе, невозможное становится всего лишь ограниченным, нереальное становится лишь незримым, и нельзя сказать, что жить становится легче, скорее интереснее, многое уже не такое как прежде, во всем видятся знаки и некий пока потаенный смысл.

1.

Сижу за заблеванным столиком в каком-то окраинном кабаке, глушу спирт с весьма сомнительным типом, который в сотый раз втолковывает мне какая же жизнь дерьмовая штука, и согласится с ним вроде бы хочется да что-то не дает, ведь если жизнь дерьмо, то зачем тогда вообще жить, а жить-то ой как хочется хотя и не ясно для чего.

Пахнет грязными потными телами, под потолком витает облако сигаретного дыма, глаза уже слезятся и хочется крикнуть, чтобы прекратили курить, а сам берешь и закуриваешь, всем назло, раз они курят то и я буду, вдруг кому-то от этого тоже хреново станет.

– Телефон. – Бормочет мой собеседник и указывает на телефонный автомат, висящий на стене. Нехотя поднимаюсь с насиженного места, попутно роняя стакан, матерюсь,

но все же иду к телефону.

– Да. – Ору в трубку и жду ответа. Тишина, слышится какой-то странный треск и шипение.

– Как ты? – Спрашивает давно забытый родной голос.

Был бы трезвый заорал бы, волосы бы дыбом на голове, наверное, встали, а вдруг ошибся, ну мало ли, хотя слишком уж знакомый голос, чтобы перепутать его с чьим-либо.

– Нормально. – Удивительно ясно и четко отвечаю. – А ты как?

– Одиноко тут, и…

– Ну, пока. – Вешаю трубку и иду обратно к заблеванному столику, странному собеседнику и облаку дыма под потолком.

– Ну и кто там был? – Спрашивает тип, попутно разливая по стаканам очередную порцию разбавленного спирта.

– Отец. – Отвечаю, а на душе паршиво так, и выпить страшно хочется, чтобы разговор этот забыть.

– Откуда звонил-то? – От вопроса ком в горле встает, ведь понимаю что все это всего лишь пьяный бред, но нет, где-то в подсознании все равно грызется червячок сомнения.

– Умер он, уже лет пять как. – Тип участливо кивает головой и поднимает стакан над головой, крича что-то про родителей и про верность, пью не закусывая, наливаю еще по одной и опять пью не закусывая.

– А ко мне жена моя по субботам приходит и ужин готовит. – Говорит тип и закуривает.

– И что? – Без энтузиазма спрашиваю я, а сам думаю, зная, что это Он мне звонил, спросил бы я у него еще что-нибудь и, черт побери, понимаю, что не то что спросить, сказать ему больше нечего было.

– Дек она у меня почитай уж лет десять в могиле почивает, умерла моя Аленушка, инфаркт у нее приключился. – Мужик всплакнул, разлил по стаканам остатки спирта и, чокнувшись со мной, выпил. – Она когда первый раз ко мне пришла ровно через день после похорон, я чуть с ума не сошел, но потом она мне рассказала все. Что, любит меня очень сильно и никогда не бросит и приходить будет по субботам, я первый год-то как-то неуютно себя чувствовал, а потом привык. А день сегодня какой?

– Суббота. – Отвечаю и смотрю на типа.

– Пошли ко мне, водочки возьмем, посидим, с женой познакомлю. – Мужик встал со стула и, качаясь, уставился на меня.

Боже, какой абсурд, иду в гости к незнакомому человеку, который старше меня лет на десять, наверное, а то и того больше, иду не просто так нажраться и обблеваться, а познакомится с умершей женой, хотя чего скрывать нажраться и обблеваться тоже.

Мы плутали по темным закоулкам около часа. В попутных окнах виднелись прокопченные глаза неизвестных людей, слышались чужие слова, песни и крики, а тип все шел и шел, и говорил про свою жену, про то, что ему наплевать,

что она умерла, про то, что и сам скоро подохнет как собака в какой-нибудь зассаной подворотне.

А как умру я? Доживу до старости и склею ласты от маразма и одиночества или пущу пулю себе в лоб лет через пять? Руки дрожат, знаю, что жизнь полнейшее дерьмо, а тянет и тянет жить, жить захлебываясь говном. Парадокс.

– Пришли! – Захожу следом за типом в какой-то подъезд, до чего же здесь воняет кошачьей мочой и другими прелестями коммунальной жизни. А он все поднимается по неудобным ступеням, и я иду за ним следом. В миллионах замочных скважин чьи-то незримые глаза смотрят на обреченных, а мы идем и идем вверх.

Однокомнатная квартирка радует своей убогостью, об обоях и речи быть не может, из мебели только стол, три табуретки, унитаз да матрас на снятой с петель двери.

– Присаживайся. – Сажусь на шатающуюся табуретку. Спирт уже давно затуманил мой разум желудок неоднократно извергал на мои штаны свое веское слово, сигареты душили, и жутко хотелось спать.

Я не помню, как очутился у себя дома, как разделся и лег в постель.

Пошатываясь, встал с постели и прошел в ванную, надо бы побриться, а то, как бомж, не бритый в забблеваных штанах.

Раздался телефонный звонок.

– Ты где?

– Дома, наверное.

– Давай быстрее к нам!

– Куда?

– Да ты что с ума сошел, или склерозом страдаешь? К церкви!

– Кто-то умер?

– Приедешь, я тебе башку откручу, сына я крестить собираюсь, а ты отец его крестный!

– Сейчас буду.

Чушь какая-то, я и крестный отец, наверное, опять спьяну что-то наболтал и согласился.

Оделся на редкость быстро, а вот такси пришлось немного подождать. Сигаретный дым обжигал легкие, дебильная музыка била по мозгам, хотелось поскорее доехать до церкви.

Как же давно я не видел этого здания, вот только раньше оно ассоциировалось у меня с чем-то большим и светлым, а теперь стало простым домом с причудливыми куполами и все. Меня крестили здесь, лет сто тому назад, в той, другой жизни, где добрый боженька поможет, если что не так или накажет, если провинишься. Стою и смотрю, надо бы внутрь зайти да что-то не пускает, это не предубеждения, просто ладаном уж сильно там пахнет.

– Ну что, козел, где был? – Спрашивает Димка, мой друг, наверное, хотя если разобраться, конечно друг, иначе бы давно послал ко всем чертям и по морде бы, наверное, съездил не один раз.

– Проспал. – Вру я, а что мне остается сказать, что пил

всю ночь неизвестно с кем и неизвестно где?

– Ладно, окрестили уже без тебя, Сашка отец крестный. – Смягчившись, говорит он и ведет меня к машине.

А ведь хорошо, что я не пришел, практически атеист и туда же, отец крестный, хреновый из меня вышел бы отец, хоть и не родной. Чему я могу его научить, это маленькое счастливое, пока что, создание, он участливо машет маленькими ручонками и задорно улыбается.

Практически машинально здороваюсь с Кристиной с Сашкой и маленьким Виталиком, и мы едем отмечать это событие.

За окном машины проносятся люди с мертвыми глазами и пепельными лицами, им наплевать на нас, а нам наплевать на них и всем хорошо. До чего же надоело это бессилие, эта безнадега, осознание всей нелепости происходящего, смотрю на младенца, а он на меня. Я знаю, что и он умрет, и родители это знают, что он умрет, но все делаем вид, что все это какая-то огромная тайна и неправда. Колоссальный обман, будто бы нет ее, этой вашей смерти, выдумка маразматиков, мы живем, значит, смерти нет. Не хочется о ней думать, ведь когда начинаешь задумываться, страшно становится, потому что понимаешь, а что если и я умру. Понимаешь и сходишь с ума, хочется вернуть все обратно, быть стадным идиотом, но нет, живи, а вернее существуй теперь так, и мучайся.

Подъезжаем к подъезду, поднимаемся на пятый этаж и заходим в квартиру, здороваюсь со всеми и прохожу в комнату,

сажусь за стол и, не церемонясь, наливаю водку себе в рюмку.

– Ты что, подожди всех. – Шипит Саша. Он иногда конечно бывает занудой, но, черт побери, такой уж он человек и это его право, да к тому же друг, пускай со своими тараканами в голове, но все же друг, да и собственно говоря, у кого их сейчас нет, тараканов этих?

– Зачем? – Выпиваю и закусываю, хозяева смотрят с укором, а мне наплевать, все равно все напьются рано или поздно, зачем ждать?

– Давайте выпьем за Виталика и за его родителей. – Громко говорит тост новоявленный крестный отец и поднимает свой бокал с вином, водку он сегодня не пьет. Нехотя чокаюсь и выпиваю еще раз со всеми, и, черт побери, опять этот осадок в душе, нет, пить вредно, думать начинаешь четко и правильно, а это не нравится никому. Тост за тостом, рюмка за рюмкой, выходим на лестничную площадку и курим.

– А ведь ты чмо. – Констатирую и получаю кулаком в нос. Черт его знает, к кому это вообще относилось да и объяснять незачем. Хватаю пальто и выхожу на улицу, свежий воздух бодрит как никогда, иду, и жить не хочется. Господи, до чего же противно, до рвоты, до боли, ржавое сомнение режет вены изнутри, а что если? Иду, а куда? Трудно жить и не уметь говорить, видеть и слышать, но молчать, кому это надо? Решено, надо заканчивать со всем этим дерьмом!

Дорога бежит куда-то в неизвестность, и бренное тело ле-

тит сквозь мрак света, а я все продолжаю и продолжаю кричать что, умирая, остаюсь жить а, живя, подыхаю, кто-то смеется и тычет в меня пальцем, вот, мол, еще один дурак, берите его. Упиваюсь решимостью и кричу что вот она, долгая и счастливая жизнь, а вы твари ее не замечаете, потому что она вам не нужна, вам тепло в своих загноенных телах, вы лепите и лепите себе подобных забивая в них сомнения и волю. Смерть – как выход, как решение загадки о смысле жизни.

2

Больничные коридоры уводят за собой в забытье, окружающие смеются и плюют в немощное тело, в мое тело. Что я могу сейчас? Смотреть на эти пепельные лица и пускать пену изо рта, молча кричать, звать на помощь, доказывать, что я здоров, что все это ошибка, что я не сумасшедший?

Таблетки, горы таблеток, уколы и этот тошнотворный успокаивающий голос, вновь и вновь. Когда прихожу в себя, начинаю шевелиться, становится больно, так больно, что аж скулы сводит.

– Парень ты как? – Доносится откуда-то издалека. Поворачиваю голову, проходит, наверное, целая вечность, перед глазами возникает образ, пока еще не четкий, глаза слезятся.

– Отстань от него, он еще от процедуры не отошел. – Интересно, а это кто, глаза открыты, но вместо четких образов

лишь расплывающиеся тени.

– Ты это, главное не волнуйся, скоро пройдет. – Лежу и молча вою от бессилия, слышу, но не вижу никого.

– Двенадцать и вновь пустота, а там где пусто всегда так светло, что порой даже когда глаза закрываешь, кажется что, они открыты, такой вот там яркий свет.

– А что если не дышать?

– Тогда начинает болеть голова, хотя, возможно я ошибаюсь. Понимаешь, там все случайно, там нет ничего последовательного и логичного, все спонтанно. В пустоте порой возникают некие непустоты, и они засасывают в себя все подряд, это очень страшно.

Я лежал и слушал этот разговор, закрыв глаза, и воображение рисовало причудливые картины в моем помутневшем сознании. Странную треугольную комнату с потолками, уходящими куда-то ввысь, тошнотворными белыми стенами и огромными решетками на окнах. В каждом углу сидит по одному человеку, руки их связаны за спинами, и на рты надеты повязки, а они все равно говорят, говорят и не замечают то, что рты их завязаны. Под потолком противно жужжат мухи, те которые обычно слетаются на свежие трупы, чтобы отложить в них свои личинки.

– К черту эту вашу пустоту.

– Она вам не по душе?

– Противно слушать о том, что после смерти лишь пустота, глупо, и страшно.

– А что тогда, по-вашему, должно быть после смерти?

– Понятия не имею, я вообще склонен думать, что смерть похожа на сон.

– На сон?

– И вообще, эту тему, о смерти, лучше не затрагивать вообще.

– Это еще почему, смерть неотделима от нашего естества.

– Ну, сами судите, в основном категории нашего языка включают опыт, знания о котором мы получаем благодаря нашим физическим ощущениям, в то время как смерть есть нечто такое, что лежит за пределами нашего сознательного опыта, потому что большинство из нас никогда не переживали ее. То есть, если мы говорим о смерти вообще, мы должны избегать как социального табу, так и языковые проблемы, которая присутствует в нашем повседневном опыте. В конце концов, мы приходим к эвфемистическим аналогиям. Мы сравниваем смерть или умирание с вещами, с которыми мы знакомы из нашего повседневного опыта и которые представляются нам приемлемыми.

– Ну, хорошо, но ведь вы сами прибегаете к одной из этих аналогий,

сравниваете смерть со сном.

– Потому что я такой же человек, как и вы. К тому же я не одинок в

своем сравнении.

– Кто еще?

– Ну например в «Апологии» Платон вкладывает в уста своего учителя Сократа, приговоренного афинским судом к смерти, следующие слова: «И если смерть есть отсутствие всякого ощущения – что-то вроде сна – когда спящий не видит и так никаких снов, то она была бы удивительно выгодной. В самом деле я думаю, если бы кто должен был выбирать такую ночь, в которую он так спал, что даже снов не видел и, сопоставив с этой ночью все остальные ночи и дни своей жизни, сообразил бы, сколько дней и ночей он прожил лучше и приятнее в сравнении с той ночью, то я думаю…, что те ночи в сравнении со всеми остальными днями и ночами пересчитать легко.»

– Господи, какая бредятина, вы против моей пустоты, а сами, в конце концов, сами приходите к ней, ведь что есть сон, с вашей точки зрения, ничто иное, как пустота, пускай на какое-то время. Как я понял сон вам тем и приятен, что он на какое-то время, не навсегда, когда проснешься, возможно, забудешь все, что тебе снилось. Какая разница, пустота она и есть пустота, пускай на мгновение, но все же.

– Ладно, черт с вами, может, сменим тему?

– С удовольствием.

Они вновь завели разговор, в этот раз о каких-то кальмарах, об их проблемах и другой чепухе, а в моей голове уже рвалась и металась эта жуткая мысль о пустоте после смерти.

Я лежал и слушал этих людей, невидимок для меня сейчас, и размышлял вместе с ними. Где-то там, сейчас рвет сво-

их приверженцев жизнь, а я тут. Вдруг стало так смешно, не знаю, отчего, но захотелось смеяться просто так, без повода, настроение так и осталось паршивым, но смех разрывал меня изнутри, ему было наплевать на мои душевные переживания.

Проваливаясь в сон, я подумал, о смерти, а что если я умираю?

Смешно, трясешься и ждешь конца света, боишься, что все сбудется, а когда он не настает, ходишь и нервно выкрикиваешь, мол, что за безобразие еще один конец света просрали. Вот и сейчас, проснулся и недоволен от того, что снова жив, а когда засыпал до ужаса боялся что не проснусь.

– Как вы себя чувствуете? – До чего же знакомый голос, но эту женщину я вижу впервые, хотя возможно я ошибаюсь.

– Нормально, вроде. – Отвечаю, а сам смотрю на ее ноги, коротенький халатик еле-еле прикрывает колени.

– Курите? – А ноги у нее ей богу не плохие.

– Да. – Беру сигарету и закуриваю. – Можно задать вопрос?

– Ну, разумеется. – Она мило улыбается, но я все равно замечаю, как все ее тело мгновенно напрягается.

– Кто вы, и почему я здесь? – Боже до чего же хорошо, что на свете есть сигареты, никогда бы не подумал, что буду им так рад.

– Видите ли…

– Покороче, пожалуйста. – Перебил я, вообще-то не хотел,

само собой вырвалось.

– Сергей Михайлович, вы здесь находитесь, так сказать на неком обследовании.

– Проверяете, не шизофреник ли я?

– Ну не совсем. – Она вдруг заметила мой не скромный взгляд на ее ноги и немного смутилась.

– Вы не ответили на мой вопрос, до конца. – Интересно, сколько ей лет? На вид не больше двадцати пяти, черт побери, весьма не дурна собой.

– Меня зовут Светлана Георгиевна Арно.

– Значит Светлана Георгиевна.

– Давайте все же перейдем к делу.

– Давайте. – Я осторожно выудил из пачки очередную сигарету и закурил.

– Сергей Михайлович, вы поступили к нам в весьма плохом состоянии.

– Я что был пьян?

– И это тоже, вы хотели повешаться.

– Я? – У меня, аж сигарета изо рта выпала. – Значит, все-таки решился.

– Я вижу, мысли о суициде посещали вас уже давно и неоднократно?

– Ну не то чтобы, но было, спорить не буду.

– Можно поинтересоваться, от чего у вас такое маниакальное стремление к смерти?

– Ну, во-первых, никакого стремления у меня нет, так,

иногда, по пьяному делу ум за разум заходит и все, а во-вторых, дальше рассуждений, ну до самого суицида, так сказать непосредственно, дело не доходило.

Интересно, отчего в медицину идут красивые девушки, смотришь на них, и не верится что вот такое хрупкое существо, без раздумий может вскрыть тебе черепную коробку, когда ты в морге лежишь, достать мозг и, покрутив его в своих миниатюрных ручках, засунуть обратно.

– Хорошо, я вижу, что вы немного утомлены нашей беседой, возвращайтесь к себе в палату. – Она встала со стула и, небрежно отдернув край халатика, подошла к окну. Беседа была окончена.

Двенадцать дней восемь часов, и крыша тут начинает съезжать на самом деле. Когда общаешься с душевно больными, сам начинаешь считать себя таким же. Но не это главное. Например, люди, которые то появляются, то исчезают из ниоткуда в никуда, голоса говорящие сами с собой, да и много еще чего другого, во что в нормальном состоянии просто не поверишь. Я рассказал одному из больных, что слышал, как два типа трепались между собой, когда я лежал почти без сознания, про то, что там был и третий который молчал и смотрел по сторонам.

– А говорили они о смерти. – Вдруг сказал он.

– Они сравнивали ее со сном, вернее сравнивал один, а второй говорил что смерть, равно как и сон ничто иное, как пустота. – Я вдруг на минутку замешкался. – А ты отку-

да знаешь?

– Я тоже их слышал, да и, наверное, все их слышали. – Он пожал плечами и вновь подошел к окну, от которого я его отозвал, чтобы поделится сокровенным. – Знаешь, все думали поначалу, что там действительно кто-то сидел, но некоторые смогли таки открыть глаза, и знаешь, там никого не оказалось просто-напросто пустая комната, а голоса продолжали говорить, как ни в чем не бывало.

– Ну а медики, ну врачи-то что говорят?

– Ничего, они лишь гладят по голове и противно так говорят, что все будет хорошо, и пичкают таблетками до потери пульса. Знаешь, что это за противное состояние, когда ты слышишь, видишь, думаешь, но при всем при этом ничего не можешь сделать, лишь моргать да пускать пену изо рта?

Мы стояли и говорили с ним до отбоя, потом нас силой увели в палату и, уложив на кровати, привязали к ним ремнями. Когда выключили свет, мне стало страшно. Однажды, в детстве, когда мать выключила в моей комнате свет, появился человек, он сел ко мне на кровать и стал смотреть мне в глаза, я тогда дико перепугался и закричал, прибежали родители и включили свет. Комната была пуста, но этот взгляд, этот взгляд еще долго прожигал меня насквозь.

– Притворись, что ты спишь! – Услышал я приглушенный шепот откуда-то из темноты. Я слышал, как отварилась дверь и в палату вошли четверо, как шуршащей походкой они двигались к моей кровати. Я зажмурился, сердце забилось в ди-

кой агонии, руками я вцепился в край кровати. Они встали вокруг меня и стали смотреть, смотреть точно так же как и тогда в детстве смотрел тот человек появившийся из ниоткуда. Потом послышался их шепот, этот душащий шепот, проникающий во все мое тело, голова начала разрываться на части. Я закричал изо всех сил, закричал, не открывая глаз.

3

Тяжело ли знать что там дальше? Поначалу возможно, но потом все это теряет свой первоначальный смысл, вернее его отсутствие. Да и не дает оно ответа на все вопросы, это осознание.

Сегодня последний день моей жизни, очень скоро мое сердце остановится, и я знаю это. Мне не страшно, и не умиротворенно, мне просто наплевать. Те трое, что объяснили мне все, до сих пор в моей голове, они продолжают шептать мне, но я не вижу в их постулатах теперь ничего особого. На стене кровью, моей ли, написан стишок, я написал его, пять лет назад, когда вышел из больницы с Ними в голове. Этот стишок я вычитал в книге, кажется, это был какой-то исторический роман, но не это самое главное. Стишок этот из 19 века, но как он подходит ко мне!

«Три Ангела к моей кровати,

Три Ангела вокруг моей головы.
Один, чтобы наблюдать, и один, чтобы молиться,
И один, чтобы унести мою душу».

Но они не унесли ее тогда, Они предпочли остаться во мне. Но ничего, еще чуть-чуть и я буду, свободен от их болтовни, от их правды этого мира.

Пятнадцать лет назад мне не нужен был никакой смысл, десять лет назад я нашел смысл в смерти, пять лет назад смысл отыскался в самой жизни, а теперь, теперь мне вновь не нужен ни какой смысл. Мне не нужна долгая и счастливая жизнь, она так банальна и не интересна. Мне надоело прикидываться нормальным, делать вид, что нет проблем, улыбаться, когда на душе паршиво, поддакивать, да участливо вздыхать, когда это требовалось, мне надоело, все это. Я прожил жизнь другого человека! И сейчас у меня не осталось слов, я молчу и жду Их шепота!

– Пора…
– Пора…
– Пора…

Сказка об отражающем и мертвом

Жили-были Отражающий и Мертвый. Отражающий жил среди отражающих, и все время отражал, а Мертвый жил среди мертвых и постоянно думал о смерти. По средам они ходили друг к другу в гости и пили чай с лимонами, Мертвый говорил с Отражающим о смерти, а Отражающий отражал от себя все подряд. И вот однажды, в одну из миллиардов сред, Отражающий пришел к Мертвому и сказал, что ему надоели отражающие. Мертвый сначала удивился, что Отражающий не отразил, но потом подумал и тоже сказал, что ему надоели мертвые.

Они сидели на крохотной кухне, и пили чай с лимонами, когда Мертвый предложил идти искать Других, Отражающий сначала отразил все, но потом согласился. Они взяли с собой чайник и пошли искать Других, они шли, пели песню ни о чем и обо всем, и очень хотели побыстрее встретить этих Других.

Они так упорно шли, что не заметили, как пришли в странный дом. В этом доме все кричали и плакали, и носили странные белые кофты с длинными и завязанными за спинами рукавами.

– Я Отражающий. – Представился Отражающий.

– А я Мертвый. – Представился Мертвый.

– Ар, Аррр. – Прокричали странные и заплакали.

– Отчего вы плачете? – Спросил Отражающий.

– Все думают, что мы сумасшедшие, но на самом же деле мы нормальные, и все птицы знают волчьи звуки, а ветер не верит в себя. Что нам остается не делать? Мы не кричим и не плачем, не говорим и не думаем, мы протестуем!

– А против кого вы протестуете? – Поинтересовался Мертвый.

– Уже семь и нам пора, поэтому восток не так черен, как поначалу кажется! – Странные люди рассмеялись и разбежались в разные стороны. Долго еще Мертвый и Отражающий смотрели на странный дом и размышляли над столь чудными словами. Дорога прошептала и позвала, Отражающий оглянулся и, взяв за руку Мертвого, пошел дальше.

Напевая очередную непонятную песенку, они вошли в странный город. В этом городе все было красным, люди стреляли друг в друга и обнимались, увозили и привозили неизвестно куда и откуда. На огромной площади у громадной могилы стоял карлик и кричал о будущем, рядом стоящий с ним человек подсыпал в бокал какой-то порошок и предлагал его карлику. Другие же люди сначала обнимали друг друга, а затем, отвернувшись, стрелялись в голову.

– Странные они. – Заключил Отражающий.

– Да. – Согласился Мертвый и они пошли дальше.

Они шли уже так долго что им вдруг все надоело, они решили что когда поднимутся на очередной холм и не увидят за ним ничего пойдут обратно, но за очередным холмом

оказалась одна страна. В этой маленькой стране жили живые и поглощающие. Отражающий обнял Мертвого, и они оба засмеялись.

В маленькой стране их стали почитать и любить, ведь никто из поглощающих не умел отражать и никто из живых не говорил о смерти, но прошло какое-то время и об Отражающем и Мертвом перестали говорить, прошло еще какое-то время и о них вообще забыли. Спустя много времени Отражающий превратился в одного из поглощающих, а Мертвый в одного из живых, а спустя еще какое-то время они покончили жизнь самоубийством, потому что Мертвый когда говорил о жизни думал, о смерти, а Отражающий когда поглощал, хотел отражать.

Она

«…Психические болезни, или расстройства психической деятельности человека, какой бы природы они ни были, всегда обусловлены нарушениями работы головного мозга. Но не всякое нарушение приводит к психическим заболеваниям.

При психических заболеваниях, в отличии их от заболеваний внутренних органов, преимущественно нарушается адекватное отражение действительности. Так, если человек не узнает привычной обстановки, принимает ее за нечто другое, а окружающих его людей рассматривает как злоумышленников или врагов, если этот человек наряду с реальным восприятием находится во власти слуховых и зрительных галлюцинаций, если его охватывает без видимой причины страх или состояние безудержного веселья, то налицо искаженное отражение реального мира и соответственно этому неправильное поведение – бегство от мнимых врагов, агрессивное нападение на воображаемых противников, попытки самоубийств…»

(Выписка из медицинского справочника)

1

Под потолком нервно моргала лампа, на старом потертом

столе дотлевала последняя сигарета.

– Помнишь этот солоноватый вкус крови на рваных губах, и ночь, ту единственную ночь, что свела нас воедино?

– Иди к черту, я хочу умереть. – Голова разрывалась на части.

– Если бы все было так просто.

– Откуда ты во мне? Что тебе надо? – Она начинала сводить меня с ума, своим голосом, обрывками чужой памяти. – Перестань говорить!

Затушив окурок рукой я резко поднялся с табурета. В голове вспыхнула мертвая женщина, она горела и шла ко мне протягивая свои гниющие руки, пытаясь ухватится хоть за что-нибудь. Нет, только не сейчас!

– Куда ты? Твое время еще не пришло.

Шатаясь, я побрел в прихожую, попутно роняя все, что попадалось мне под руки. Еще один день в ее компании и я не выдержу, поддамся ей, а что потом?

Трясущимися руками я накинул на себя потрепанное пальто и, стараясь не упасть, вышел в подъезд.

– Что тебе это даст?

– Свободу от тебя, тварь! – Голова раскалывается от боли. На свежий воздух, иначе упаду тут на лестнице и умру. Хотя, Она не даст мне умереть, умереть так просто.

– Ты должен помнить ту ночь, тебе не уйти от нее.

– Я все помню, слышишь, сука, я все помню!

Семь часов утра, на улице никого, лишь этот обволакива-

ющий с ног до головы снег да лед под подгибающимися ногами. Господи, как же хочется выпить, выпить и закурить, в глупой и бессмысленной надежде забыться.

– Оглянись вокруг, что ты видишь?

– Я ничего не вижу, я не хочу видеть. – Еще немножко и станет легче, вот и киоск. Слава богу, работает.

– Приглядись, отбрось весь этот обман в сторону! Посмотри на мир, на наш мир!

– Это не мой мир. – Нащупав в кармане помятую купюру, останавливаюсь у ларька.

– Что, с утра уже нажрался? – Басит продавщица из маленького оконца.

– Водки, на все. – Ровный голос срывается на хрип, удушающий кашель сводит с ума, еще чуть-чуть и станет легче.

– На. – Грязная рука протягивает мне бутылку с мутноватой жидкостью. – Деньги-то украл, поди?

– И этот мир тебе нравится?

– В этом мире я живу.

Я доплел до ближайшей подворотни, и, повалившись в груду мусора, принялся жадными глотками вливать в себя пойло неизвестного происхождения. По продрогшему телу медленно растекалось тепло.

– О такой жизни ты мечтал?

– Ты, во всем виновата лишь ТЫ!

– Я даю тебе шанс, последний шанс. Выбирай, либо сейчас добровольно, либо позднее я заставлю тебя, но позже будет

ад, а сейчас я дарую тебе рай, выбирай.

– Ты знаешь мой ответ!

– Твое право!

– Вот именно мое право, так что катись к черту, тварь!

Еще глоток, вот и все, свобода.

Сон медленно окутал тело, руки и ноги ослабли под напором сладкой неги.

Вновь дорога, и этот дождь, дождь, сводящий с ума. Я иду по обочине куда-то вперед, что-то незримое тянет меня, зовет. Вновь эта горящая машина, тело трясет от страха, я знаю кто в этой машине, все опять повторяется.

– Где же ты, милый, я вся горю от нетерпения.

Надо развернутся и бежать, бежать что есть сил, бежать пока не остановится сердце, но ноги идут и идут на завораживающее пламя. С каждым шагом усиливается запах горелой плоти, и я знаю чей плоти. На плечо плавно ложится ЕЕ мертвая рука. Сердце замирает.

2

Когда я впервые увидел ее, у меня что-то перекосилось внутри, она плавно прошла мимо меня, оставив после себя лишь тень, зыбкую надежду ни на что. Она мимолетный фантом моего призрачного сна.

Конечно, можно рассмеявшись плюнуть мне в лицо, назвав меня сумасшедшим, это ваше право, но вы не видели

мои сны, вы не просыпались в кровати в холодном липком поту, задыхаясь от чего-то не живого, не понятного, не земного.

Я просыпался с останавливающимся в груди сердцем, чувствуя, что умер, но, приводя его в чувство, понимал, что жив, что снова придется ложится спать, что снова придется просыпаться в поту.

Она изменила меня, я не знаю как, но она что-то сделала со мной, оставив после сна во мне что-то чужое, и теперь Оно не дает мне спокойно жить, Оно пожирает меня изнутри.

Я сел на край больничной кровати, закурил и уставился в кромешную тьму за окном.

– Почему ты не спишь? Все уже давно спят, только ты здесь один сидишь. – Заинтересованно спросила Она.

– Ты тоже не спишь. – Я не хотел засыпать. Каждый раз Она придумывала что-то кардинально новое, это пугало меня. – Можно тебя кое о чем спросить?

– Конечно, все равно не спим.

– Что тебе снится?

– Много. – Задумавшись, ответила Она. – А тебе?

– Ты сама знаешь, а я не хочу знать, что мне снится. – Забытая в руке сигарета обожгла пальцы.

– Надо лечь спать, чтобы понять что тебе снится!!!

Я очнулся посреди векового леса, в лицо подул сухой ветер, донося чей-то хохот.

Не знаю, сколько я брел по этому странному месту, пока

не натолкнулся на огромный вековой дуб без листвы, на одной из его огромных ветвей качался труп и задорно смеялся.

– Почему ты смеёшься? – Труп сорвался с ветки и упал на землю, взбудоражив старую желтую листву.

– Разве тебе это так интересно? – Он тихо полз в мою сторону, роняя изо рта кровавую пену. – Мне просто было плохо.

– Когда плохо обычно плачут.

– Кто? – Труп заинтересованно остановился.

– Люди.

Он рассмеялся так неистово, что небольшая стайка птиц всколыхнулись со своих мест и унеслись в глубь леса.

– Но я не человек. – В его пустых глазницах показались копошащиеся черви.

– Почему ты здесь?

– Я и сам не знаю. Она приводит меня куда захочет, сегодня это твой лес. – Я вдруг почувствовал, что за мной кто-то наблюдает, кто-то кто знает меня как себя, тот, кто и раньше знал меня. – Что это за место?

– Это место называется сумрачным лесом, но тебя ведь сейчас волнует совсем другое. – Труп расплылся в кровавой улыбке, обнажая остатки своего рта.

– Откуда ты знаешь, что меня волнует?

– Это мой лес, как ты уже заметил и я знаю все, что в нем происходит, могу даже читать мысли хоть это и запрещается, но ты сам хотел, чтобы я сказал тебе кто это.

– Кто же это? – Мозг тут же озарило простотой ответа, это же так очевидно.

– Ты угадал, но тот о ком ты подумал становиться другим, и я не хочу, чтобы он остался тут. – Труп встал на ноги полез обратно на дерево. – Ты тоже уходи из моего леса, ты уже не человек!

– Кто же тогда я? – Падение в бездну оборвало мой сон и мысли, острая боль тупо отдалась в висках.

Осторожно открывая глаза, я медленно возвращался в мир живых, уходя из мира грез и страхов. В воздухе витал сладковато приторный запах разлагающейся плоти, откуда-то издалека донеслись крики истерики и дикий плачь на грани слепого отчаянья. Во рту проявился солоноватый привкус крови. Осторожно приподнявшись на руках, я осмотрелся вокруг, меня окружали четыре стены без дверей и окон, которые бесконечно уходили куда-то в высь.

Под ногами разлагались останки чей-то плоти. Из огромной дыры в черепе без конца падали белесые черви и ползли в мою сторону, хищно скаля свои рты.

Меня охватила безудержная паника.

– Так не должно быть, я же проснулся!!! Выпусти меня! Я не понимаю всего этого. – Черви медленно начинали поедать мои ноги, голова закружилась, я упал на пол, мгновенно в рот поползли эти слизкие трупоеды, глаза налились кровавым туманом.

– Надо лечь спать, чтобы понять что снится!!! За пять лет

ты так и не понял! – Она рассмеялась своим звонким смехом и исчезла, теперь навсегда.

– Я понял!!!!! Это Я!!!! – Я кричал, выплевывая изо рта эту мерзость до потери сознания. До последней минуты моей жизни, а она не слышала меня, ей было наплевать.

Отражение

– Открой глаза, что ты видишь вокруг? Трупы, ходячие гниющие трупы и ничего больше. Ты не такой как они! – Человек в черном бьет по столу своей рукой.

– Почему. – К горлу подкатывается тошнота, голова начинает ходить кругом.

– Четкого разделения реального от нереального не существует, нет правого, нет левого, есть лишь одно и неделимое ВСЕ!

Противный липкий пот заливает глаза, страх сковывает по рукам и ногам.

– Кто ты?

– Ты выше этого стада, тебе дано соединять все воедино, не ты живешь в пространстве, пространство живет вокруг тебя! – С каждым словом человек в черном подходит ко мне все ближе и ближе.

– Кто ты?

– А ты еще не понял? – Он подходит ко мне вплотную, я чувствую его смрадное дыхание. Он откидывает свой капюшон, сердце холодеет от страха, на меня смотрит мой двойник, а может это я его двойник, тот же нос, тот же рот, все точно такое же, но в ту же секунду такое далекое и не родное. – Я, это ты!

Мокрая от пота простыня бьющееся в истерике сердце,

нервное дыхание и свобода от ночного кошмара. Нет, сегодня я уже не засну, на часах пол пятого, за мутным окном слегка рассеивающаяся темнота, утро скоро вступит в свои законные права. Чем заняться человеку в пять часов утра, у которого нет никого? Ответ не нужен, нужен стакан да пол литра водки, при желании конечно закуска, но это удел интеллигентов, в моем случае она ни к чему.

Холодильник пуст, лишь парочка засохших бутербродов, неизвестно вообще откуда тут появившихся, початая бутылка водки, пачка сигарет, да упаковка презервативов. Да уж, ничего не скажешь, джентльменский набор.

Дрожащей рукой набираю номер Смита, в миру его, конечно, зовут по другому, да вот только никто его настоящего имени не знает, разве что коллеги по работе да вездесущий начальник.

– Какого черта? – Доносится из трубки сонный голос.

– Смит, это я…

– Какой еще Я?

– Твою мать, Смит, это я, Кот.

– Кто. – Начиная просыпаться, спрашивает Смит.

– Блин, хорош спать, открывай глаза, вставай с кровати и дуй ко мне.

– На кой черт?

– Напиться охота.

– Это в пять утра-то? Алкоголик. – Заключает Смит.

– Кто бы говорил. Ладно, заскочишь еще в магазин по до-

роге, купить пожрать чего-нибудь.

– Водки брать?

– Вообще-то у меня имеется, но возьми немного, мало ли.

– Через час буду.

Кладу трубку обратно на телефон, попутно бросая мутный взгляд на свое отражение в зеркале. Да, не мешало бы побриться, а то вид какой-то уж больно помятый.

Холодная вода, горячая вода и я снова похож на человека, вот только одежды чистой и свежей нет, ну да ладно и так сойдет.

Море, забери меня, окутай своими объятиями, обласкай своим нежным прибоем.

Господи, как давно я не был на море, на настоящем море, а не на этом загаженном дерьме. Человечество обречено, оно перестало ценить настоящую красоту природы.

Смит ввалился в квартиру как ее полноправный хозяин, старые потертые от времени джинсы, рваный свитер, да недельная щетина, что тут скажешь, музыкант, андеграунд это его стиль жизни. Когда он только начинал слушать рок, настоящий, как он говорил, не эти сладкоголосые группы, а настоящие живые, пусть не всегда понятные обществу, но все же настоящие, он был совсем другим, горящие от восторга глаза и непонятное стремление к нелепой свободе. Гражданская оборона, Психея, Jain Air, Amatory и другие им подобные группы рождали в нем свой маленький мирок, настоящий, без фальши.

В чем-то я ему даже завидую, ему чужды сомнения, он знает свою цель, стимул, а я нет, я просто живу, вернее, умирая продолжаю жить.

– Здорово, синяк. – Радостно приветствует он.

– Привет. Купил че поесть-то?

Смит откидывает грязные армейские ботинки в сторону и почесывая свой зад входит в кухню.

– Мда, как тут все запущено.

– Что поделать, ну, давай доставай уже, есть хочу аж желудок сводит.

– Есть? – Хмыкает Смит. – Ну едой это назвать как-то язык не поворачивается но есть можно, по крайней мере я пробовал.

Хитро щурясь, он поставил на стол две каких-то странных баночки.

– Это что такое?

– Это мой друг мидии.

– Ну и на хрена они нужны?

– Ну блин деликатес как никак, да и че не взять раз на шару. – Он открыл баночки, затем извлек из пакета пару бутылок водки и сев на шатающийся табурет закурил. – Дружбан тут на днях приходил, всякой гадости приволок, ну вроде как деликатесы там разные, там еще эти как их, тараканы жареные на хрен знает каком масле, лягушачьи ножки, и еще какая-то гадость.

– Он что у тебя извращенец? – Присаживаясь напротив

спросил я.

– Да нет, украл, наверное, где-то, а теперь сам травится, и вот друзей отравить пытается. Кстати мы там все перепробовали, тараканы я тебе скажу, были ну просто обалденные.

– Слушай, эстет твою мать, а перед тем как начать их жрать вы по сколько в себя водки влили?

– Ну, по моему, по пузырю. – Он еще раз усмехнулся.

Прежде чем начать есть эти мидии, на вид уж очень сильно смахивающие на чье-то дерьмо, мы залпом выпили по стакану водки.

– А вроде ничего себе так. – Проглотив мидию, заметил я.

– Ну, а я что говорил, есть можно.

«Возьми нож и освободи его!»

– Смит, ты слышал?

– Слышал что? – Отрешенно переспросил он.

– Неважно, показалось, наверное. – Проглотив очередного слизняка и запив его водкой, закурил, в виска нервно постукивало. – Пойду, лицо всполосну, что-то голова трещит.

«Возьми нож и освободи его!!!»

Господи, да что же такое со мной происходит?

«Возьми нож и освободи его!!!»

«Возьми нож и освободи его!!!»

«Возьми нож и освободи его!!!»

«Возьми нож и освободи его!!!»

«Возьми нож и освободи его!!!»

«Возьми нож и освободи его!!!»

«Возьми нож и освободи его!!!»

– Заткнись!!!!!!!! – Сердце рвалось в дикой агонии, я стоял на трясущихся ногах в дверном проеме и кричал. – Заткнись!!!!!!!

– С тобой все в порядке. – Смит ошарашено смотрел на меня, в руке застыл стакан на полпути ко рту.

– Ввсе, ввв порядке, просто голова жутко разболелась. – Осторожно сев на табурет я залпом выпил стакан водки.

– Ты меня пугаешь. – Смит медленно начинал приходить в себя. – И давно ты начала страдать такими вот припадками?

«Возьми нож и освободи его!!!»

В голове все крутилась и крутилась одна и та же фраза.

– Не обращай внимания, так отголоски прошлого.

«Возьми нож и освободи его!!!»

«Возьми нож и освободи его!!!»

«Возьми нож и освободи его!!!»

«Возьми нож и освободи его!!!»

Тело замерло, я стоял и не мог двинутся, а голос все громче и громче бил по вискам.

«Возьми нож и освободи его!!!»

«Возьми нож и освободи его!!!»

«Возьми нож и освободи его!!!»

«Возьми нож и освободи его!!!»

Я стоял и чувствовал как из глубины подсознания вырывается зверь, мы менялись местами, теперь я параноидаль-

ный голос в теперь уже Его голове. Я хватался за все, что только мог, за обрывки памяти, за чувства, за жизнь, но теперь уже слишком поздно

– Дай нож. – Донеслось из темноты, да это же мой собственный голос, но слова не мои, теперь не мои.

– Держи. – Смит протянул моему телу через стол старый кухонный нож с сальными пятнами на рукоятке.

– Открой глаза, что ты видишь вокруг? Трупы, ходячие гниющие трупы и ничего больше.

– Ты это о чем? – Улыбаясь, спросил Смит.

– Хочешь обрести свободу? – Я сорвался и теперь лечу все глубже и глубже, а Оно кричит и ликует от радости, я проиграл. – Ну же, ты только представь как это здорово.

– Свободу от чего? – Смит настороженно отодвинул стакан в сторону.

– Свободу от тела!

Мир чудных сновидений

«Что означает „непохож“?.. Не сумасшедший?.. Ерунда. Это человек, который не оставляет впечатления душевнобольного. А впечатление – не аргумент. Оно из области чувств. И тут без медицинской фразы не обойтись. Чтобы прочесть и сразу представить себе полную, так сказать, объективную картину. И то, что у обследуемого, как говорится, „не все дома“. И то, что у него, как отнюдь не говорится, а подразумевается, „дома“, оказывается, все. Против истины – ни слова. Все в угоду ей. В конце концов людей без сдвигов нет. В каждом сидит псих. Так что этот „непохожий“, тоже не белая ворона. Хотя, положа руку на сердце, на полоумного он совсем не походил.»

(Лев Аскеров – «Человек с того света»)

1.

Мир, разделенный на до и после смерти. Словно взгляд из некролога чужими глазами на весь этот бред существования живого в принципе человека. И ведь все есть, квартира, любимая девушка, друзья, деньги и в то же время ничего этого нет, словно мираж за чертой города. Душа кричит, душно отчего-то ей в моем теле. Может начать пить?

Упасть на самое дно и растворится среди миллионов забытых и никому ненужных людей? Я не знаю, а может, просто боюсь признаться самому себе в безысходности. Что-то идет за мной, я чувствую всем своим нутром, и, нет ни страха, ни радости, лишь печаль неземная да непонятная боль в груди. Это в каждом человеке, просто кто-то забивает всю эту блажь куда подальше а кто-то боится следовать за своей неизбежностью, оттого и страдаем мы хотя и не понимаем почему.

Мне двадцать три года и я не знаю кто я. Страшно? Глупо? Бредово? Каждому свое, каждому по заблуждению и головной боли, каждому по своей порции наркотика против жизни.

Холодный осенний ветер пытается сбить с ног, увлечь за собой пока еще не поздно, пока еще есть шанс вернутся к обыденности и спокойствию, пока голова чиста от всего этого бреда. В кармане радостно звенит мелочь, а в голове пустота да непонятные импульсы, странные призывы к действию которого еще не понимаешь, не можешь понять потому как нельзя. А может плюнуть на все и растереть кровью? Нет, я человек, человек, ЧЕЛОВЕК, человек, человек ли я, я ли человек, что за бред, о боже, помоги отступнику, помоги, если вообще можешь помочь разобраться в самом себе, помоги пока я ЖИВОЙ.

Снова этот плачь, зачем жалеть самого себя, пускай жалеют другие, те, кому я не безразличен, те, кто на сто процен-

тов уверены в том, что они правы, живы и любимы. А раньше все было по-другому, должно было быть по-другому иначе нельзя, страшно. Там всегда было лето, даже зимой светило ласковое солнце и хотелось любить всех и вся, кричать что есть мочи, что жизнь прекрасна. Что же теперь, что стало с тем миром, который я помнил и любил?

Словно в каком-то нелепом и дешевом фильме я вышагиваю по осеннему городу, спешу к той кто еще любит и верит в то, что я не тень. Под усталыми ногами хлюпает противная серая жижа, будто чьи-то мозги расплескавшиеся по дороге к дому.

– Эй, урод, который час? – А почему нет? Ведь я действительно урод, один из тех кого отторгает общества за то что мы не подпадаем под определение нормального с их точки зрения человека. Нет, я не уникум, наоборот, я нелепая обыденность которая хочет вырваться из этого порочного круга жизни, хочет стать кем-то другим.

– Понятия не имею. – Смотрю на это животное и понимаю что его нет, так, мутноватое пятно в пространстве, словно крохотная трещина в очках, неприятность, плевок, некая ошибка создателя.

– Ты чё, типа умный да? – Удар, еще удар, боли нет, ее уже давно нет, только рефлексия организма и только то. – Вот пля попадалово, у этого хмыря даже часов нет. Сука.

Лежу в луже посреди улицы, мимо пробегают незнакомые люди, спешат убраться от всего этого куда подальше. Еще бы,

не дай бог вмешаться, чего доброго замыслят что помогаю, или того хуже соучастник какой, а ведь дома дети, жена, телевизор в конце концов, нет, к черту этого алкаша. Точно, он алкаша, а тот убегающий амбал его собутыльник, точно, так тебе и надо мразь подзаборная. Лежу и смотрю на их мысли, смешно, потому что сам таким был, да и сейчас бы убежал, куда подальше только бы не участвовать во всем этом цирке.

Вереница без начала и конца забитых людей тянется откуда-то из подворотни, словно марш протестующих против протестов, и каждый старается посильнее зажмуриться и хотя бы на какое-то время перестать слышать. Не бойтесь, убогие, я молчу, теперь молчу, потому что знаю вас, как себя самого когда-то знал.

Нет, в таком виде я к ней не пойду, нельзя в ее прелестных глазах казаться униженным, пусть все будет напускное, плевать, лишь бы она была счастлива.

Ноги сами несут меня к чужому подъезду, чужого дома. Сам не знаю, чего хочу, оттого и страшно, потому как точно уверен, чего я не хочу. Не хочу носить шутовское платье с красивой маской на лице, не хочу жить с протестом против самого себя в голове, не хочу любить обманом и силой, не хочу, не хочу, не хочу…

– Мож выпьешь? – Странного вида дед тычет мне в лицо ополовиненной бутылкой с какой-то жидкостью, и мне становиться легче, хотя и не ясно отчего. – Чет видок у тя больно паршивый, да и по роже видимо трамвай проехал.

– А у кого видок сегодня не паршивый? – Я принимаю из его рук подачку, и нервно впитываю в себя влагу ясности и открытости. Дед радостно кряхтит и падает рядом со мною на лавку.

– Ночь уже на дворе, а ты шатаешься здесь. Опасно ведь, сегодня избили, а могли бы убить. Вчерась например, паренек один с девкой своей домой шел, так его того, по голове молотком а девку снасильничать хотели гады, ды только я им не дал. – Дед злобно ухмыльнулся и тоже припал к живительному источнику подвально-кустового производства.

– Милицию вызвал? – Почти смеясь, спросил я.

– Убил я их, с ружа пострелял, а потом к себе утащил в колодец. Седни с утра разделал и на базар уволок, а мне денжат немного отсыпали. Паренек, правда, помер на месте, но девка сильная оказалась, выживет она, да вот только другой станет, вот когды поймет все тогда и станет.

– Странный ты дед, странный.

Мы сидели и смотрели на звездное небо, неудачник и убийца-заступник.

– Знаешь, а я ведь ранше другим был, совсем другим.

– А что измениться заставило?

– А умер я. Хе-хе. Понимаешь? Умер!

2.

Митковский выключил осточертевшее радио, повалился

на старую скрипучую кушетку и постарался заснуть. В голову лезли странные образы и мысли, словно кто-то далекий пытался достучаться до него, обратить на себя внимание. То, словно вспышка на солнце, появлялся небритый бомжеватого вида дед, то здоровый гопник рыскающий по улице в поисках очередной жертвы.

Будто в замедленной съемке отворилась дверь, и в кабинет вошел Азовский.

– Что-то вы плохо выглядите голубчик, что-то не так? – Почти смеясь в лицо Алексею, спросил главврач. Азовский не был плохим человеком, да и что значит вообще быть плохим, он был врачом в четвертом поколении и считал себя кем-то вроде элиты среди многочисленного медперсонала. – Неужто вчера опять налегали на горькую?

– Вообще, принято стучатся. – Митковский протер носовым платком слезящиеся глаза, встал с кушетки и, подойдя к окну, закурил самодельную папиросу.

– Как у вас дела с Кареевым?

– Не знаю я, что с ним. По всем признакам он в коме, однако при этом он умудряется ходить, есть, справлять естественные нужды в специально отведенных для этого местах и прочее прочее.

– А вам не приходило в голову что…

– Да приходило, я и сейчас от этого не отказываюсь. Человек в одно мгновение потерял всех своих близких. У него никого не осталось. Вероятно и жизнь-то ему сейчас не в ра-

дость. – Алексей затушил сигарету о подоконник, за грязным окном светило сентябрьское солнце. – Дождь, интересно, сегодня будет?

– Будет, куда ж ему деваться, на то она и осень, чтобы дожди!

3.

Опять ночь, я не помню дневного света, что-то мутное и расплывчатое и только-то. Она, я шел к ней, но что-то случилось. Амнезия локального характера, хотя, может то, что я сейчас переживаю и есть амнезия, а все остальное нормальная, так сказать, сознательная жизнь? Не знаю, ничего не знаю, не хочу ничего знать.

– Если хочешь стать свободным, стань им! – Птица, или обман зрения? Что-то непонятное с человеческим лицом.

– Кто ты? – Голос дрожит, странно, я не испытываю никаких чувств, словно все так и должно быть, ни страха, ни уверенности, ничего, только голос дрожит.

– Хех, неужели это так важно?

– Нет, просто… – Вопрос висит в пустоте, в голове ни одного намека на интерес или что-то подобное, какие-то рефлексивные слова.

– Я ничто и я все. Ты падший, и не мне тебя судить. Ты идешь к ней, не замечая очевидного на своем пути. Сейчас ты лишь тень своего бренного тела, в тебе лишь смерть. Она

мертва, ты убил её. Не специально конечно, просто ты не можешь иначе. Ты падший при живом теле, это твое естество. Я хочу помочь тебе. – Существо кружило над головой растягивая слова, словно выводя из них какую-то причудливую песнь, песнь обо мне. Я сидел на холодном асфальте пытаясь рассмотреть его глаза.

– Нам надо куда-то идти? – Вновь движение к поставленной цели и ничего о прошлом и хорошо забытом.

– Тебе, а не нам. – Тварь засмеялась. – Ты окончательно отторгнул от себя свое бренное естество, теперь ты должен его уничтожить. Иди на его зов и уничтожь его, иначе канеш в пустоту.

Лежу, смотрю и не верю. Что это? Где я? Для чего все это со мной? Встав на дрожащие ноги, я поплелся на едва уловимый вой, вой моего тела без меня. С каждым шагом неведомая ненависть вскипала во мне, я ненавидел все и вся. До заветной цели оставалось всего ничего, шаг, еще один, и…

4.

Кровь на занавесках, кровь на полу и стенах, всюду кровь и запах смерти. Алексей шел по больничному коридору, сжимая дрожащей рукой остро заточенный карандаш. В больничном полумраке царила тишина. Уже не раздавались истошные крики душевнобольных, не играла эта чертова музыка, не шептались по углам разношерстные медсестры

и медбратья. Лишь нагнетающая тишина да страх. Он шел к двадцать седьмой палате.

Митковский вспомнил Кареева, тот момент, когда он впервые его увидел. Это невзрачное лицо, впалые щеки, пустые карие глаза, сутулую осанку и едва заметный рот, абсолютно не выразительный человек, человек невидимка.

«Я должен его остановить. Только я, другого выхода нет».

Он вошел в заветную палату, тело, не подвластное разуму, налилось свинцовой усталостью. У ржавой кровати стояло двое, абсолютно одинаковых и в то же время разных больных с одной общей фамилией и общим телом.

5

Под потолком нервно моргала старая лампочка, тускло, освещая едва уловимый силуэт пожилого человека. Закуривая очередную сигарету, он начал свой отчет. Глухо щелкнул диктофон, запись пошла.

– Эксперимент вновь провалился. Личности обследуемых оказались весьма агрессивными к прибору и его воздействию на головной мозг. Так же, были выявлены некоторые побочные эффекты. Пациент под номером тридцать четыре был первым кто смог отделиться от своего тела, однако, при этом, блуждающая сущность обрела новое воплощение, желая уничтожить свое старое естество. В результате чего произошел эмоциональный взрыв, пациент не мог контроли-

ровать себя и свои поступки, что привело к почти полному уничтожению других обследуемых. Так же следует отметить пациента под номер семнадцать. Находясь в поле воздействия тридцать четвертого, ему удалось выжить, более того он застал стадию саморазрушения, после чего также продолжил свое существование. Необходимо рассмотреть вопрос о расширении научных лабораторий по изменении личности, с целью форсирования положительных результатов. Семнадцать часов пятого апреля одна тысяча девятьсот девяносто четвертого года.

То, чего уже никогда не будет

1

Это только поначалу все так прикольно, а потом даже напрягет. Вот спрашивается на кой хрен запивать всевозможные амфетамины водкой? Нет, вся эта бл*тская клубная жизнь не для меня, слишком старый уже для подобного.

– Ты меня еще слышишь хоть? – Пит, обожравшийся сам по самое не могу, пытается выглядеть адекватным, но это у него получается, откровенно говоря, не особо удачно. – Мать твою, больше никогда тебя с собой никуда не потащу.

– Я тебе говорил, что на дух не переношу эти притоны для малолеток. Дима, мне уже тридцать пять, я прокуренный панк у которого есть приличная работа и семья, поехали куда-нибудь подальше отсюда.

– Вот уж хер тебе. Пока шалаву какую не вы*бу никуда отсюда не уйду, и ты как лучший друг будешь рядом со мной.

Оглушающий бит разрывает ушные перепонки, на расставленных по всему клубу стойках танцуют полуголые go-go girls, и все это в переливающихся красках.

– Вот ты в курсе, что это дерьмо, которое мы совсем недавно сожрали, изобрели все те же янки.

– Почему «все те же»?

– Потому что уроды, вот и все.

– Ну так и что?

– После второй мировой войны, когда Япония была оккупирована американскими войсками, полиция у задержанных по разным причинам подростков стала находить припрятанными какие-то таблетки. Это оказался амфетамин. Во время войны этот препарат давали американским летчикам и морякам как средство для снятия усталости, борьбы со сном во время несения службы, повышения бдительности. К 54-у году в Японии уже сотни тысяч подростков злоупотребляли амфетамином. – Пит облизывает обсохшие губы, резко начинает осматриваться по сторонам. Мне уже наплевать, первичные симптомы прошли. – В США амфетамины производились также под торговой маркой Бензедрин с 1928 года в качестве средства для ингаляции с целью облегчения какойто там херни и так же в качестве стимулятора центральной нервной системы. С 1959 года распространялся по рецептам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.